

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12, вып. 1 (45). С. 24–33
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2023, vol. 12, iss. 1 (45), pp. 24–33
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-1-24-33>
EDN: ULMUDT

Научная статья
УДК 159.9:316.47

Межличностное отвержение как особый вариант отношений в онтологической константе Я – Другой

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

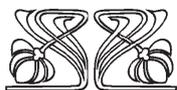
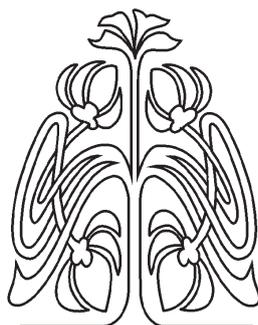
Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. Статья посвящена межличностному отвержению, обусловленному разрывом отношений в диаде Я – Другой. Научный интерес сфокусирован только на остракизме, который связан с практиками игнорирования и исключения представителя своей группы из общей коммуникативной и ролевой командной сети в качестве ответной меры или группового наказания. Предложен треугольник субъектов межличностного отвержения – тот, кто отвергает, тот, кого отвергают, и тот, кто является свидетелем остракизм-события. В соответствии с этой идеей рассмотрена стадийная теории остракизма К. Уильямса, акцентирующая внимание на фрустрации потребностей человека, подвергшегося остракизму, и возможных последствиях отвержения. Представлена универсальная модель Л. Ричман и М. Лири, основанная на формировании различных мотивационных треков в зависимости от субъективной интерпретации негативного межличностного события и объясняющая непосредственные и долгосрочные последствия этого негативного опыта. Проанализирована адаптивная теория исключения Г. Фрийдмана, Дж. Бира, в центре внимания которой находится интерактивная природа социальной эксклюзии, предполагающая изучение обеих взаимодействующих сторон – тех, кто исключает, и тех, кого исключают. Описана теория С. Рудерт и Р. Грайфенедера, ориентированная на третью сторону ситуации отвержения, т. е. на наблюдателя, от действия или бездействия которого зависят последствия межличностного отвержения. Прикладной аспект исследуемой проблемы состоит в возможности применения результатов теоретической рефлексии в образовательном процессе, а также разработки превентивных мер предупреждения асоциального поведения и программ психотерапевтического вмешательства и психологической поддержки субъектов отвержения.

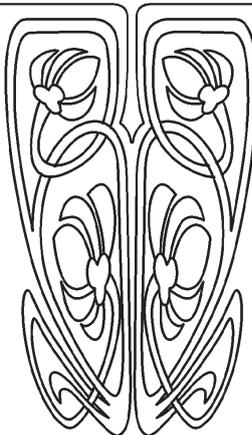
Ключевые слова: Я – Другой, социальное отвержение, межличностная эксклюзия, субъекты отвержения, теории остракизма и эксклюзии, последствия отвержения, третья сторона отвержения

Для цитирования: Рягузова Е. В. Межличностное отвержение как особый вариант отношений в онтологической константе Я – Другой // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12, вып. 1 (45). С. 24–33. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-1-24-33>, EDN: ULMUDT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Interpersonal rejection as a special type of relationship in the ontological constant 'Me and the Other'

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Abstract. The article is devoted to interpersonal rejection that is caused by breaking off the relations in the dyad 'Me and the Other'. The scientific interest is focused purely on ostracism. It is associated with ignoring and excluding a group representative from the general communicative and role-based team network as a retaliatory measure or group punishment. The study proposes the triangle of interpersonal rejection subjects. This triangle includes the one who rejects, the one who is rejected, and the one who witnesses the ostracism episode. In accordance with this idea, the author considers the stage theory of ostracism by K. Williams. The theory focuses on the frustration of the needs of a person who has been ostracized and possible consequences of the rejection. The study also presents a universal model by L. Richman and M. Leary, which is based on the development of various motivational tracks depending on the subjective interpretation of a negative interpersonal episode. The model explains the immediate and long-term consequences of this negative experience. Further on, the study provides the analysis of the Responsive Theory of Social Exclusion by G. Freedman, K. D. Williams, J. S. Beer, which focuses on the interactive nature of social exclusion and involves the study of both interacting parties: of those who exclude and of those who are excluded. The paper describes the theory of S. Rudert and R. Greifeneder, which is focused on the third side of the rejection episode, i.e. on the observer, whose action or inaction determines the consequences of interpersonal rejection. The applied aspect of the problem under study consists in the possibility to use the results of theoretical reflection in the educational process. Moreover, it can help to develop preventive measures in order to avert antisocial behavior and to develop psychotherapeutic intervention programs and psychological support programs for the subjects of the rejection.

Keywords: Me and the Other, social rejection, interpersonal exclusion, subjects of the rejection, ostracism and exclusion theories, consequences of the rejection, the third party of the rejection

For citation: Ryaguzova E. V. Interpersonal rejection as a special type of relationship in the ontological constant 'Me and the Other'. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2023, vol. 12, iss. 1 (45), pp. 24–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-1-24-33>, EDN: ULMUDT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

С конца 1980-х гг. существующий мир было принято описывать как VUCA-среду, которая характеризовалась сложностью, неопределенностью, нестабильностью и изменчивостью. Прошло время, и под влиянием глобальных системных изменений мир значительно модифицировался и продолжает трансформироваться, превращаясь, по мнению Джамаиса Кашио (Jamais Cascio), в BANI-мир [1].

Новая оптика видения мира настроена на такие его характеристики, как хрупкость (вероятность внезапного и катастрофически быстрого разрушения), тревожность (реакция на веер возможных рисков и опасностей), приводящая к непредсказуемости выбора, нелинейность (непропорциональность связи между причиной и следствием), непостижимость (информационная перегрузка и трудность различения сигнала на фоне информационного шума). В целом все перечисленные качества представляют собой доведенные до максимума свойства VUCA-мира, делающие его психологически более сложным и опасным для существования человека.

Одним из основных следствий стремительного развития современного мира является отчуждение человека от разных сфер функционирования общества – экономической, полити-

ческой, культурной, социальной. Как отмечают некоторые авторы, отчуждение обусловлено разрывом связей между человеком и информационно-коммуникативными технологиями, социальными институтами и доминирующими ценностями (особенно духовными), технологиями и институтами, реальной информацией и ее субъективной интерпретацией, свободой личности и предписанным регламентом [2].

В современном мире происходят утрата личностью чувства собственной значимости и значительности, кризис идентичности и субъектности, снижение ее ответственности перед собой и Другими, обесценивание доверия к социальным институтам, девиации и ухудшение психического здоровья. Имеют место упрощение и схематизация межличностных отношений ввиду быстрой и легкой сменяемости Другого в виртуальной реальности, появляются новые формы социальных интеракций, одно перечисление которых – брэнчинг, гостинг, гэтсбинг, мостинг, стэшинг, марлеинг, кэтфишинг – вызывает у непосвященных скорее когнитивный ступор, нежели желание их апробировать или разобраться в их сущности и содержании. Само же появление новых форм межличностного взаимодействия связано с вмешательством технических средств в процессы диадных интеракций и их существенное изменение.

Среди серьезных вызовов ВANI-мира останемся только на тех, которые сопряжены с отчуждением людей в сфере межличностных отношений.

Цель: изучить межличностное отвержение как особый вариант отмены отношений в диаде Я – Другой.

Виды социального отвержения

Межличностное отвержение как разрыв связей в онтологической константе Я – Другой может принимать разные формы и выступать в виде остракизма, стигматизации, дискриминации. Перечисленные понятия не синонимичны – существуют как инвариантные характеристики, так и специфические особенности психологических феноменов, которые эти термины репрезентируют. В контексте данной статьи остановимся только на остракизме.

Остракизм связан с социальными практиками игнорирования и исключения представителя своей группы из общей коммуникативной и ролевой командной сети как определенной ответной меры или группового наказания, за которым чаще всего следует травля ингруппового члена. У человека, подвергшегося остракизму, происходят нарушения в работе физиологических систем [3–5], отмечается физическое ощущение боли [6], имеет место фрустрация потребности в самоуважении и аффилиации, принадлежности к группе и принятию, контроле и осмысленности существования. На поведенческом уровне преднамеренный или непреднамеренный остракизм может либо приводить к эскапизму и маргинализации, либо способствовать проявлению рискованного, агрессивного и в целом девиантного поведения личности, активизируя радикалистские настроения, террористические установки и экстремистские интенции. Печально известные примеры стрельбы и бои в школах – достаточно яркое, но трагическое тому подтверждение.

Для самой группы практика остракизма (изгнания) выполняет функцию защиты группового прототипического образца, служит поддержанию устойчивости сложившихся групповых норм и сохранению доминантных ценностей. Рядом исследователей, сдвигающих аналитический фокус на сам источник остракизма, убедительно доказывается, что участие в остракизм-событии приводит к «истощению Эго» (Р. Баумайстер), т. е. уменьшает внутренние силы личности и нарушает систему саморегуляции у тех, кто является инициатором отвержения и бойкотирования, тем самым делая их более уязвимыми к стрессовому и рискогенному воздействию. Например, даже такая относительно безобидная реакция на

Другого, как демонстрация отсутствия обратной коммуникативной связи в течение трех минут, приводила к снижению настойчивости личности при решении мыслительных задач (в частности, анаграмм) и актуализации негативного настроения [7]. Справедливости ради отметим, что правомерность существования эффекта истощения Эго некоторыми исследователями подвергается сомнению, но нам ближе точка зрения Д. А. Леонтьева, полагающего, что подобный эффект безусловно существует и важно понять и изучить его граничные условия [8].

Несмотря на то что выделяют разные виды остракизма включая ненамеренный и псевдо-остракизм, ролевой и защитный остракизм [9], я полагаю, что это неоправданное расширение понятия. В случае если, например, человек не замечает официанта или стюардессу, это вовсе не негативное межличностное событие и не ответная реакция группы или отдельного человека на какие-то поступки, суждения, мнения Другого, его инаковость и невозможность услышать его голос, а простое выполнение предписанных социальных ролей в ситуации повседневной интеракции.

В информационной среде, мультиплицирующей масштаб контактов личности с разнообразными Другими, остракизм становится киберостракизмом, при этом сохраняются все возможные риски негативных последствий – боль, непонимание, чувство несправедливости, обида, агрессивные паттерны, нарушение психического благополучия и здоровья. В виртуальном пространстве остракизм приобретает новые формы, репрезентирующие сценарии разрыва отношений возникших, развивающихся и прекращающихся в сети: фаббинг / техноференс как игнорирование партнера по коммуникации посредством переключения своего внимания на мобильный телефон; гостинг как неожиданный разрыв контактов через полное исчезновение партнера по общению из коммуникативного пространства без объяснения причин; орбитинг как избегание и игнорирование привычных сетевых контактов, но периодическое появление и напоминание о себе в виде лайков, просмотров, репостов; канселинг – культура отмены или исключения как способ социального бойкотирования, средство тотального удаления человека или бренда из публичного дискурса [10, 11].

Теоретический обзор современных теорий отвержения

К. Д. Уильямс (K. D. Williams) разработал стадиальную теорию остракизма [3, 4], взяв за основу блокирование фундаментальных по-

требностей человека в зависимости от продолжительности ситуации остракизма, и описал ее психологические последствия (впервые изложена на русском языке и подробно представлена в

диссертационном исследовании Е. Э. Бойкиной [12]). Кратко определим основные положения его концепции и представим ее графическую репрезентацию (рис. 1).

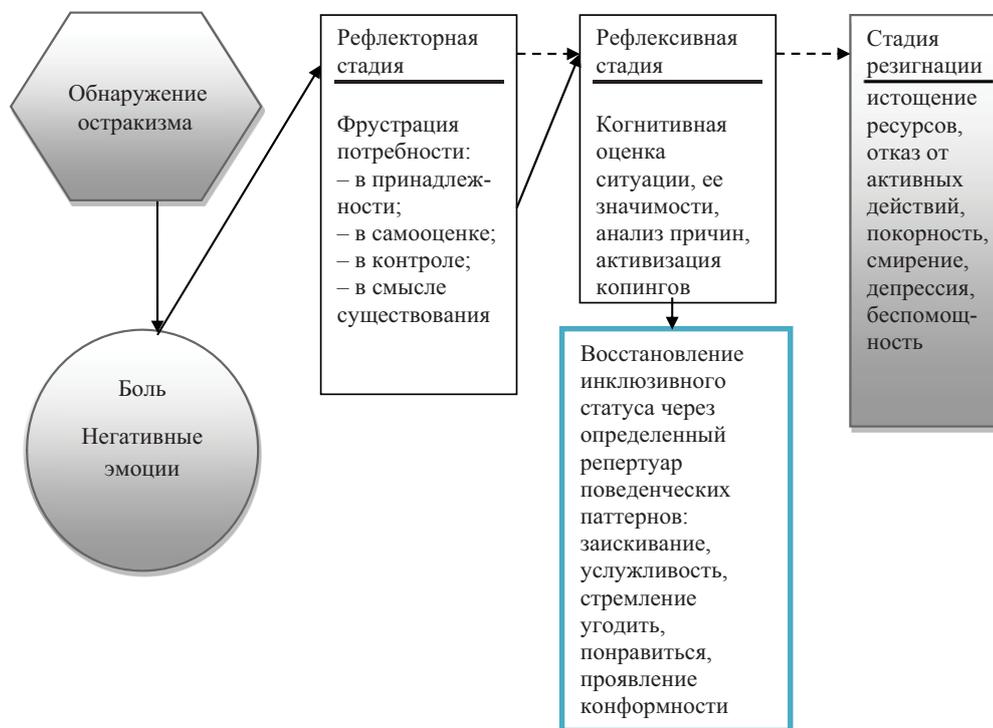

Рис. 1. Модель остракизма К. Д. Уильямса
 Fig. 1. The ostracism model of K. D. Williams

1. Реагирование на ситуацию отвержения, игнорирования, исключения начинается с ее обнаружения практически на бессознательном уровне через такой триггер, как боль, которая запускает первую рефлекторную стадию остракизма.

2. На рефлекторной стадии происходит фрустрирование фундаментальных потребностей – потребности в принадлежности к той или иной социальной общности, потребности в защите и сохранении позитивной самооценки и подтверждении ее уровня Другими, потребности в контроле как дефиците возможности воздействовать на ситуацию ввиду «лишения голоса», потребности в осмысленном существовании для себя и для Другого. Указанные потребности автор объединяет в два кластера – инклюзивный, включающий в себя блокирование потребности в принадлежности и самоуважении, и кластер потребности во власти и провокации, включающий потребность в контроле и осмысленности существования. На этой стадии остракизма личностные особенности и контекст ситуации существенной роли не играют.

3. Вторая стадии остракизма – рефлексивная – предполагает когнитивную оценку ситуации, прояснение ее важности и значимости, анализ возможных причин и активизацию копинг-стратегий для совладания со стрессовой ситуацией, если она была определена именно как таковая. Основной целью на этой стадии является восстановление инклюзивного статуса через определенный репертуар поведенческих паттернов – заискивание, услужливость, стремление угодить, понравиться, проявление конформности. Восстановление на этой стадии возможно за счет индивидуально-психологических особенностей личности, подвергшейся остракизму, а также благодаря ситуационным характеристикам (продолжительности ситуации, ее личностной значимости). Однако несмотря на то, что инклюзивный статус может быть восстановлен, человек продолжает ощущать боль, более того, она возвращается даже при ретроспективном попадании в эту ситуацию благодаря воспоминаниям о ней.

4. Если ситуация остракизма носит длительный характер и человек, которого исключили, осознает тотальность разрыва принадлежности к

диаде или группе, он может прибегать к жестким, агрессивным и максимально деструктивным способам разблокировки потребности в контроле, осмысленном существовании и самоуважении включая посягательство на жизнь обидчиков или посторонних людей, а также суицидальные действия.

5. Третья стадия – резигнация, т. е. отказ от активных действий, проявление покорности, смирения, пассивности, психологического паралича. Это стадия сопровождается истощением внутренних ресурсов, осознанием бессмысленности попыток продуктивного разрешения ситуации остракизма, отсутствием стремления к восстановлению разрушенных связей.

Л. Ричман и М. Лири (L. Richman, M. R. Leary) разработали интересную универсальную модель реакций личности на опыт межличностного отвержения, объясняющую непосредственные и долгосрочные последствия этого негативного опыта. Модель основана на формировании различных мотивационных треков в зависимости от субъективной интерпретации негативного межличностного события [13]. В отличие от рассмотренной теории остракизма К. Д. Уильямса авторы, с одной стороны, ограничились анализом нарушения только одной фундаментальной потребности – потребности в социальном принятии и принадлежности как индикатора значимых отношений человека, – а с другой стороны, существенно расширили понимание феномена межличностной девальвации, включив в него не только остракизм, стигматизацию и дискриминацию, но и неодобрение, незаинтересованность в контактах с личностью, их избегание, а также предательство и пренебрежение. Более того, в фокусе внимания Л. Ричман и М. Лири находятся не только ценностные отношения и угрозы, которым они могут подвергаться, но и то, как личность субъективно интерпретирует ситуацию отвержения.

Вызов ценности отношений, угроза принадлежности к диаде, группе, социальной общности всегда и у всех вызывают психологический стресс, сопровождаемый душевной болью. На эмоциональном уровне он проявляется комплексом негативных эмоций (печаль, обида, гнев, ревность), объединенных авторами термином «оскорбленные чувства», доминирующее место в структуре которых занимает обида. Именно обида связана с рефлексией обесценивания собственной личности Другими, их нежелательностью и незаинтересованностью в контактах с личностью, что приводит к снижению ее самооценки. Вместе с тем негативное межличностное событие опосредуется когнитивной прора-

боткой ситуации отвержения. Авторы предлагают шесть возможных вариантов субъективной интерпретации межличностной девальвации: 1) справедливость / несправедливость разрыва отношений; 2) ожидание / отсутствие ожидания восстановления отношений; 3) распространенность и частота отказа; 4) ценность нарушенных отношений; 5) последствия разрыва отношений и их издержки; 6) возможность альтернативных отношений.

Интерпретация опыта отвержения тесно связана с актуализацией одного из трех возможных блоков личностных мотивов:

1) блока мотивов, связанных с ориентацией на людей, стремлением к социальным связям для обеспечения принятия и поддержки, ассоциированных с просоциальным поведением личности и формированием просоциальных стратегий и тактик реагирования;

2) блока мотивов, опосредованных направленностью против людей и лежащих в основе антисоциального поведения личности в ситуации социального отторжения, ориентированного на защиту себя и причинение вреда обидчику или обидчикам;

3) блока мотивов, детерминированных ориентацией от людей и характерных для ухода и эскапизма, формирования избегающих поведенческих стратегий личности.

Несмотря на то что в ситуации отвержения возможно одновременное существование всех трех мотивационных интенций – желания вернуть признание, отомстить обидчику и избегать дальнейших межличностных контактов с ним, – все же чаще в ситуации отвержения доминирующим в реакциях людей является всего один из трех мотивов (стремление к принятию, причинение вреда и уход). В соответствии с этим можно прогнозировать долгосрочные последствия для психического и физического здоровья человека.

Графически концептуальная мультимотивационная модель Л. Ричман и М. Лири представлена на рис. 2.

Как видно из рис. 2, просоциальный ответ на событие, связанное с межличностным отвержением, возможен в нескольких случаях: 1) когда человек интерпретирует его как ситуативно обусловленное и, возможно, справедливое действие Другого / Других, понимая и принимая свою вину и рассчитывая на то, что испорченные отношения могут быть восстановлены; 2) когда субъективная значимость межличностных отношений очень высока и личность активизирует все ресурсы и использует все возможности, чтобы их сохранить и вернуть заблокированное чувство

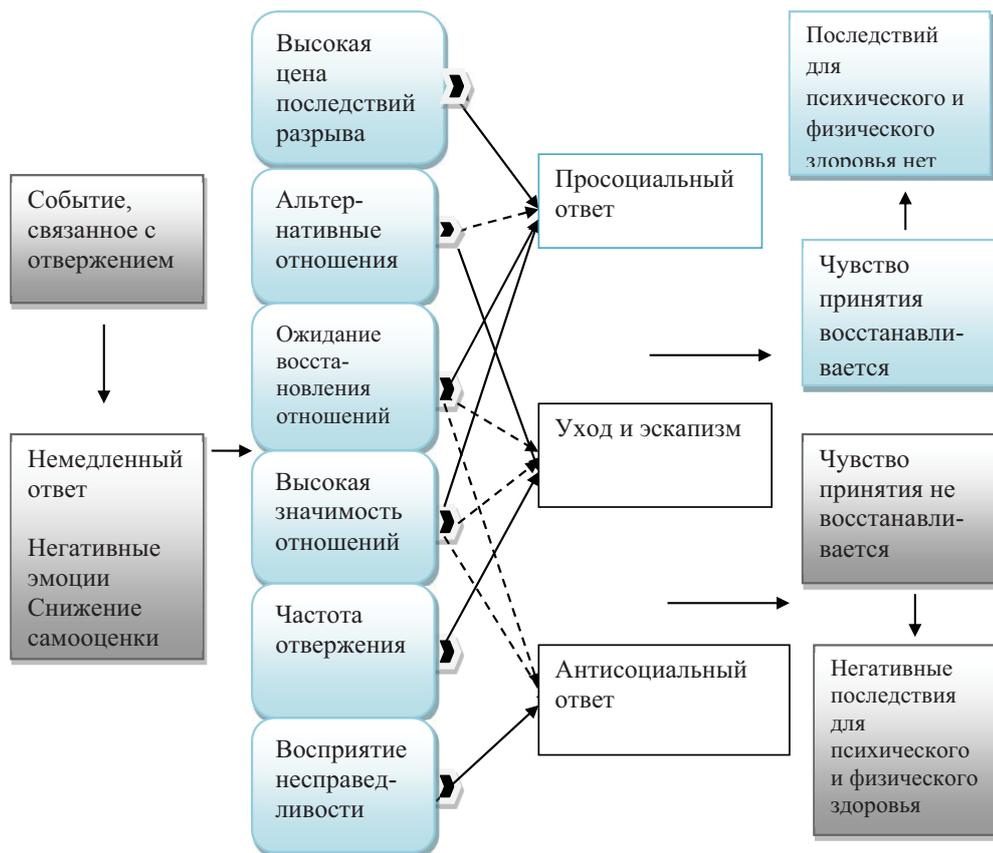

Рис. 2. Универсальная мотивационная модель Л. Ричман и М. Лири
 Fig. 2. The universal motivational model of L. Richman and M. Leary

принадлежности; 3) если цена разрыва сложившихся отношений значительна и издержки для личности очень существенны, она использует просоциальную тактику, направленную на восстановление чувства принадлежности.

Когда люди чувствуют, что их отвергли необоснованно по или несправедливым причинам, они с большей вероятностью демонстрируют антисоциальный поведенческий рисунок. Кроме этого, такая форма поведения может возникать, когда человек осознает необратимость нарушенных отношений и понимает, что ни при каких условиях они уже не будут восстановлены и, соответственно, принадлежность к данной группе уже невозможна. В этом случае он может осознанно или нет пойти на риск более глубокого отвержения, усугубляя своим асоциальным поведением необратимость ситуации, актуализируя злость, гнев, агрессивные действия вплоть до насилия как по отношению как к обидчику, так и к незнакомым Другим. Кроме того, асоциальные мотивы актуализируются, когда межличностные отношения не воспринимались личностью как значимые и важные, а возможно, оценивались как кратко-

временные, мимолетные, и принятие решения об их разрыве другой стороной оценивается как враждебное действие унижительного характера.

Актуализация мотивов личности, связанных с ее уходом и избеганием контактов, происходит и тогда, когда ситуация отвержения довольно часто возникает в ее событийном ряду и, соответственно, стратегия эскапизма становится привычной, а типичным поведенческим паттерном, реализуемым на фоне дефицита принадлежности, выступают уход и дистанцирование. Вместе с тем эта же стратегия возможна в том случае, когда у личности существуют альтернативные отношения, надежность и доверительность которых обеспечивают достаточно быстрое восстановление чувства принадлежности, пусть и к другой общности, не позволяя человеку «застрять» в замкнутом круге негативных эмоций, хотя ощущение болезненного укола все равно сохраняется. При наличии альтернативных поддерживающих отношений у человека нет необходимости в просоциальной или асоциальной стратегии и он просто реально и символически покидает ситуацию отвержения. Кроме того, мотивы ухода становятся актуальными, когда

когнитивная оценка и субъективная интерпретация произошедшего указывают личности на невозможность восстановления испорченных отношений либо на их невысокую ценность в субъективной системе значимости. Необходимо заметить, что в связи с изменением стандартов исследования, касающихся размеров выборки, основные положения этой теории также подвергаются концептуальной репликации для дальнейшего уточнения [14].

Интерес вызывает адаптивная теория исключения, в фокусе внимания которой находится интерактивная природа социальной эксклюзии, предполагающая изучение обеих взаимодействующих сторон – и тех, кто исключает, и тех, кого исключают. Г. Фридман, К. Уильямс, Дж. Бир (G. Freedman, K. D. Williams, J. S. Beer) делают основной акцент на повседневных ситуациях диадического взаимодействия людей в сфере бизнеса, образования, межличностных отношений. Они анализируют деловые контакты, дружеские и романтические связи в контексте социального отторжения, когда те, что разрывают контакты с Другим, имеют желание исключить его из своего личностного пространства, но не болезненно наказывать, пытаясь свести к минимуму ущерб как для себя, так и для Другого [15].

Обозначим основные положения этой концепции.

1. Социальная эксклюзия – интенсивная стрессогенная ситуация, имеющая диадический характер, а ее деструктивные психологические последствия (чувство обиды и разочарования, несправедливость и предательство, взаимная агрессия и бессилие) переживаются обеими взаимодействующими сторонами (личность – личность, личность – группа). Необходим учет индивидуально-типологических (тревожность, повышенная чувствительность к отвержению, нейротизм), социально-психологических (стиль привязанности, характер и продолжительность отношений) и культурно-специфических (дистанция власти, коллективизм – индивидуализм) особенностей субъектов социальной эксклюзии.

2. Чтобы снизить риски социальной эксклюзии и сделать ее последствия менее разрушительными, требуется учет основных потребностей каждой из сторон взаимодействия, фрустрированных ситуацией исключения.

3. В ситуации социальной эксклюзии для того, кого исключают, заблокированной потребностью, по К. Д. Уильямсу [3], оказывается потребность в принадлежности, осмысленном существовании, самоуважении и контроле. Возможность восстановления полноценного удовлетворения фрустрированных потребностей

– путь к снижению последствий социальной эксклюзии для тех, кто был исключен.

4. Для того, кто исключает, фрустрированным могут оказаться потребность в предотвращении ущерба репутации – защитная ориентация, направленная на сохранение своего позитивного образа в глазах Других, – и потребность в минимизации негативного воздействия, вызванного неизбежностью и необходимостью ситуации социального отторжения и предполагающего избегание сильных негативных эмоций и ослабление чувства вины.

5. Предлагается новая таксономия форм социального отчуждения – явное неприятие (четкая формулировка «нет»), двусмысленное неприятие (неопределенность и неясность «и да, и нет»), остракизм (полное игнорирование), дифференцируемые на основе способов общения и критериев, отражающих специфику вербальной коммуникации. Утверждается, что менее разрушительным способом отчуждения для обеих сторон эксклюзии выступает адаптивный характер явного неприятия, т. е. ясный вербально сформулированный отказ как обратная связь на явный или неявный запрос о включении.

Когда речь идет об отвержении, предполагается наличие по крайней мере нескольких субъектов взаимодействия, и в этом случае можно говорить о разных субъектах отвержения, т. е. о том, кто отвергает, том, кого отвергают, и том, кто присутствует при событии отвержения. Для полноты картины социальной эксклюзии необходимо рассмотреть теорию, в центре внимания которой находится третья сторона ситуации отвержения – наблюдатель [16, 17].

С. Рудерт и Р. Грайфенедер (S. C. Rudert, R. Greifeneder) сконструировали модель посредничества, сосредоточившись на наблюдателях социального отвержения, и прежде всего на их личностных особенностях. Значимыми в контексте наблюдения за ситуацией отвержения они называют эмпатию, выполняющую посредническую роль, и чувствительность к справедливости. Более того, авторы акцентируют исследовательский интерес на том, как наблюдатели обнаруживают остракизм и что можно сделать, чтобы повысить их осведомленность, как они его интерпретируют, атрибутируя те или иные мотивы отвергающему и отвергаемому, как наблюдатели оценивают остракизм-событие и как можно получить наиболее обоснованные моральные суждения с минимальной субъективной предвзятостью, а также как наблюдатели реагируют, т. е. на чью сторону символически встают [18]. Было установлено, что принятие наблюдателями той или иной стороны в ситуации

межличностного отвержения во многом зависит от того, кто из субъектов эксклюзии нарушает «здесь и сейчас» или нарушал ранее принятые социальные нормы и конвенции [19].

Заключение

Межличностное отвержение представляет собой вариант отмены интерперсональных отношений в диаде Я – Другой и выступает как обычная, а иногда и необходимая социальная практика исключения Другого, реализуемая в повседневной жизни. В информационном обществе в связи с расширением коммуникативного пространства личности за счет привлечения разнообразных информационно-коммуникативных технологий и вмешательства технических средств в межличностное взаимодействие существенно выросла частота событий межличностного отвержения. Межличностная эксклюзия, независимо от того, где она локализована – в реальном или виртуальном пространстве, – всегда сопровождается болью, негативными переживаниями, снижением самооценки личности и изменением ее привычного образа жизни. Когнитивная проработка личностью ситуации отвержения может привести к актуализации таких мотивов личности, как стремление к принятию Другими, причинение вреда Другим, уход от Других, и определить специфику ее поведенческого рисунка – просоциального, анти-социального и избегающего.

В ситуации межличностного отвержения, предполагающей разрыв взаимодействия, участвуют как минимум два субъекта – тот, кто отвергает, и тот, кого отвергают. При этом оба определяют ситуацию как напряженную и стрессовую, влекущую деструктивные психологические последствия, зависящие от индивидуально-психологических качеств и имеющегося у участников опыта, ситуационного и культурного контекста.

Правомерно говорить о третьей стороне межличностного отвержения, связанного с присутствием наблюдателя. Благодаря наблюдателю, во-первых, возникает эффект свидетеля, который сам по себе также имеет достаточно травматический характер для человека, подвергающегося остракизму, поскольку Другой является очевидцем обесценивания его личности. В этой связи чрезвычайно важны статус наблюдающего Другого, его локация и значимость в интрапсихическом мире личности. Во-вторых, свидетель может опосредованно испытывать психологическую боль Другого (викарный остракизм) – включаясь в ситуацию

отвержения, он эмпатически проживает ее вместе с жертвой [20, 21]. В-третьих, оценка и интерпретация наблюдателя могут выступать в качестве ресурса социальной поддержки, если наблюдатель встанет на сторону жертвы остракизма и сочтет ситуацию несправедливой [18]. И, наконец, в-четвертых, еще большее значение присутствие третьей стороны приобретает в тех случаях, когда такими наблюдателями являются родители или просто взрослые люди, а также статусные фигуры – учителя, командиры, руководители, – от действия или бездействия которых во многом зависят психологические последствия остракизма.

Результаты проведенной теоретической рефлексии могут быть использованы в образовательном процессе, а также для разработки превентивных мероприятий, направленных на предупреждение асоциального поведения, и программ психотерапевтического вмешательства и психологической поддержки субъектов отвержения.

Библиографический список

1. Cascio J. Facing the Age of Chaos. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 28.10.2022).
2. Иоселиани А. Д., Цхададзе Н. В. Эпоха перемен – новый этап отчуждения // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 368–373. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10124>
3. Williams K. D. Ostracism // Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425–452. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.58.110405.085641>
4. Williams K. D., Nida S. A. Ostracism: Consequences and coping // Current Direction in Psychological Science. 2011. Vol. 20, iss. 2. P. 71–75. <https://doi.org/10.1177/0963721411402480>
5. Бойкина Е. Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 127–140. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090310>
6. Eisenberger N. I., Lieberman M. D., Williams K. D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion // Science. 2003. Vol. 302, iss. 5643. P. 290–292. <https://doi.org/10.1126/science.1089134>
7. Ciarocco N. J., Sommer K. L., Baumeister R. F. Ostracism and Ego depletion: The strains of silence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2001. Vol. 27, iss. 9. P. 1156–1163. <https://doi.org/10.1177/0146167201279008>
8. Леонтьев Д. А. Трудности репликации и уязвимость опровержения: случай «эффекта истощения эго» // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13, № 4. С. 192–204. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130414>
9. Бойкина Е. Э. Современные лики социального остракизма: гостинг, орбитинг, фаббинг, культура

отмены // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11, № 2. С. 131–140. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110212>

10. Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 34–37. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.3.5>
11. Бойкина Е. Э. Социальный остракизм как фактор антисоциального поведения несовершеннолетних: дис. ... канд. психол. наук. М., 2021. 237 с.
12. Richman L. S., Leary M. R. Reactions to discrimination, stigmatization, ostracism, and other forms of interpersonal rejection: A multimotive model // *Psychological Review*. 2009. Vol. 116, iss. 2. P. 365–383. <https://doi.org/10.1037/a0015250>
13. Sunami N., Nadzan M. A., Jaremka L. M. Does the prospect of fulfilling belonging affect social responses to rejection? A conceptual replication attempt // *Social Psychological and Personality Science*. 2019. Vol. 10, iss. 3. P. 307–316. <https://doi.org/10.1177/1948550618762301>
14. Freedman G., Williams K. D., Beer J. S. Softening the blow of social exclusion: The responsive theory of social exclusion // *Frontiers in Psychology*. Ser. Personality and Social Psychology. 2016. Vol. 7. P. 1570. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01570>
15. Zou Y., Wang Y., Yang X., Jiang R. Observed ostracism and compensatory behavior: A moderated mediation model of empathy and observer justice sensitivity // *Personality and Individual Differences*. 2022. Vol. 198. Article number 111829. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111829>
16. Бойкина Е. Э., Чиркина Р. В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // *Психология и право*. 2020. Т. 10, № 1. С. 152–170. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>
17. Rudert S. C., Greifeneder R. How observers interpret and respond to ostracism situations // *Current Directions in Ostracism, Social Exclusion and Rejection Research* / ed. by S. C. Rudert, R. Greifeneder, K. Williams. London : Routledge, 2019. P. 376–391. <https://doi.org/10.4324/9781351255912>
18. Rudert S. C., Greifeneder R. Whom to punish? How observers sanction norm-violating behavior in ostracism situations // *European Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 50, iss. 2. P. 376–391. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2606>
19. Over H., Carpenter M. Priming third-party ostracism increases affiliative imitation in children // *Developmental Science*. 2009. Vol. 12, iss. 3. P. 1–8. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2008.00820.x>
20. Wesselmann E. D., Williams K. D., Hales A. H. Vicarious ostracism // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013. Vol. 7, iss. 153. P. 1–2. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00153>

References

1. Cascio J. Facing the Age of Chaos. Available at: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (accessed 28 October 2022).
2. Ioseliani A. D., Tskhadadze N. V. The era of change – a new stage of alienation. *Vestnik Ekonomicheskoi Bezopasnosti* [Vestnik of Economic Security], 2019, no. 2, pp. 368–373 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10124>
3. Williams K. D. Ostracism. *Annual Review of Psychology*, 2007, vol. 58, pp. 425–452. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.58.110405.085641>
4. Williams K. D., Nida S. A. Ostracism: Consequences and coping. *Current Directions in Psychological Science*, 2011, vol. 20, iss. 2, pp. 71–75. <https://doi.org/10.1177/0963721411402480>
5. Boykina E. Ostracism and related phenomena: Review of foreign studies. *Psychology and Law*, 2019, vol. 9, iss. 3, pp. 127–140 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090310>
6. Eisenberger N. I., Lieberman M. D., Williams K. D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. *Science*, 2003, vol. 302, iss. 5643, pp. 290–292. <https://doi.org/10.1126/science.1089134>
7. Ciarocco N. J., Sommer K. L., Baumeister R. F. Ostracism and Ego depletion: The strains of silence. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2001, vol. 27, iss. 9, pp. 1156–1163. <https://doi.org/10.1177/0146167201279008>
8. Leontiev D. A. Difficulties with replication and vulnerability of refutation: The case of “Ego depletion effect”. *Experimental Psychology (Russia)*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 192–204 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130414>
9. Boykina E. E. Modern faces of social ostracism: ghosting, orbiting, phubbing, cancel culture. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022, vol. 11, no. 2, pp. 131–140 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110212>
10. Subbotina M. V. Cancel culture: a manifestation of social justice or a new way of manipulation. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2022, iss. 3, pp. 34–37 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.3.5>
11. Boykina E. E. *Social ostracism as a factor in antisocial behavior of minors*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2021. 237 p. (in Russian).
12. Richman L. S., Leary M. R. Reactions to discrimination, stigmatization, ostracism, and other forms of interpersonal rejection: A multimotive model. *Psychological Review*, 2009, vol. 116, iss. 2, pp. 365–383. <https://doi.org/10.1037/a0015250>
13. Sunami N., Nadzan M. A., Jaremka L. M. Does the prospect of fulfilling belonging affect social responses to rejection? A conceptual replication attempt. *Social Psychological and Personality Science*, 2019, vol. 10, iss. 3, pp. 307–316. <https://doi.org/10.1177/1948550618762301>

14. Freedman G., Williams K. D., Beer J. S. Softening the blow of social exclusion: The responsive theory of social exclusion. *Frontiers in Psychology*, 2016, vol. 7, pp. 1570. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01570>
15. Zou Y., Wang Y., Yang X., Jiang R., Observed ostracism and compensatory behavior: A moderated mediation model of empathy and observer justice sensitivity. *Personality and Individual Differences*, 2022, vol. 198, article 111829. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111829>
16. Boykina E. E., Chirkina R. V. Social ostracism: Current state of the problem, methodology and research methods. *Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 152–170 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>
17. Rudert S. C., Greifeneder R. How observers interpret and respond to ostracism situations. In: Rudert S. C., Greifeneder R., Williams K., eds. *Current Directions in Ostracism, Social Exclusion and Rejection Research*. London, Routledge, 2019, pp. 376–391. <https://doi.org/10.4324/9781351255912>
18. Rudert S. C., Greifeneder R. Whom to punish? How observers sanction norm-violating behavior in ostracism situations. *European Journal of Social Psychology*, 2020, vol. 50, iss. 2, pp. 376–391. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2606>
19. Over H., Carpenter M. Priming third-party ostracism increases affiliative imitation in children. *Developmental Science*, 2009, vol. 12, iss. 3, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2008.00820.x>
20. Wesselmann E. D., Williams K. D., Hales A. H. Vicarious ostracism. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2013, vol. 7, iss. 153, pp. 1–2. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00153>

Поступила в редакцию 03.11.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 15.12.2022
The article was submitted 03.11.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 15.12.2022